
С.В. Яров в воспоминаниях учеников

Вера Березина, Елизавета Жданкова

S.V. Yarov in the memories of the disciples

Vera Berezina, Elizaveta Zhdankova

(both – Russian Money Museum, Saint Petersburg)

Не будет преувеличением сказать, что всю свою жизнь Сергей Викторович Яров посвятил науке и ученикам. Под его руководством защитилось более десятка аспирантов. Кроме того, есть ученики, которые писали диссертации, но не успели защититься при его жизни, или решили не продолжать научную работу. Если прибавить к этому числу тех, кому он в разное время пытался помочь, не будучи связанным никакими формальными отношениями, то наберётся большое число людей, которые могут назвать его своим учителем. Случалось, что он участвовал в работе и над диссертациями по темам, далеким от истории – систематизируя текст, выискивая в нём слабые места, неудачные пассажи. Относясь к себе с большой долей иронии, Сергей Викторович если и хвалился количеством учеников, то делал это только в шутку. Несомненно, однако, что для него работа с аспирантами была значимой частью профессии.

Вряд ли Сергей Викторович имел стройную теорию о том, как надо готовить молодых учёных. Система его работы сложилась на основе практики и благодаря искреннему желанию помочь каждому. Он стремился поделиться собственным опытом, передать то, что знал сам, и научить так, как сам когда-то учился. Что же ему хотелось передать ученикам? В первую очередь, исследовательские навыки. При подготовке текста самым важным для него было наличие сверхзадачи и исследовательского вопроса. Нередко он задавал вопрос: «Зачем тебе это? Как это работает на решение сверхзадачи?». Для того чтобы работа над текстом шла рационально, Сергей Викторович учил работать с источниками по определённой системе. Он требовал составить чёткий план, руководствуясь которым и следовало посещать библиотеки или архив. Не предполагая, что можно обнаружить в архиве, исследователь должен знать, что хочет спросить у этих источников, считал он. Это должно было предостеречь от многих архивных соблазнов – например, пойти на поводу у интересных фактов, отвлекаясь от основной задачи.

Затем предлагалось, опираясь на план, выписывать информацию из источников на небольшие карточки. Их следовало разложить по темам – и так накапливать фактический материал для работы. Всем знакомым с Сергеем Викторовичем была известна его консервативность в организации сбора материала, абсолютное неумение обращаться с компьютером и непринятие новых технологий, которые, казалось бы, призваны облегчить работу исследователя. Его нередко можно было встретить в Ленинском зале Российской национальной библиотеки с комплектом таких карточек, которые он увлечённо тасовал и сопоставлял. На наш взгляд, у такого подхода к сбору материала есть значительные достоинства. После похода в архив или библиотеку оставались не кипы бездумно переписанных источников,

а материал, первично обработанный прямо на месте, ведь малый размер карточек вынуждает внимательнее вчитываться в текст и улавливать основную мысль того или иного документа.

Особое внимание Сергей Викторович обращал на критику источника. Он учил всегда задаваться вопросом: кем, когда, при каких обстоятельствах, под чьим влиянием была сказана та или иная фраза. И на диссертационных семинарах, и при обсуждении текста любил «зацепиться» за одну из фраз и начать её «раскручивать». Что и как описывает автор? Мог ли он это наблюдать? Что из этого следует? Насколько можно доверять написанному? Так же он работал с источниками и сам.

Уже написанные тексты учеников Сергей Викторович читал исключительно в печатном виде и почти никогда — в электронном. С одной стороны, порой это затрудняло работу (в частности, делало невозможной переписку по электронной почте), с другой — нередко и помогало, так как именно на бумаге удаётся лучше увидеть логические несвязки, опечатки и ошибки. Кроме того, он всегда рекомендовал читать текст вслух, а иногда читал отдельные фрагменты вместе с нами, уделяя внимание темпу повествования, структуре, построению фраз.

Литературная, языковая составляющая имела для Сергея Викторовича очень большое значение, повышенная внимательность к ней была известна всем, кто знал его как исследователя. Как педагог же он стремился передать свой навык молодым авторам, воспитывал в них внимание и трепетное отношение к стилю и слову. По его мнению, любой текст должен быть литературным, даже если это текст диссертации, его должно быть приятно читать. Всегда было страшно не оправдать его ожиданий и чрезвычайно лестно получить оценку своего текста как умело написанного, стилистически красивого. Чуткое отношение к читателю вознаграждалось: книги Ярова сложно было достать в магазинах. Их покупали не только специалисты, но и люди далёкие от исторической науки.

При этом нельзя сказать, что Сергей Викторович обращал внимание на форму в ущерб содержанию (хотя мысль об этом иногда возникала при совместной работе). Просто он был глубоко убеждён в том, что язык отражает ясность мысли. Любил повторять знаменитую фразу Л. Витгенштейна из «Логико-философского трактата»: «Всё, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно; о чём невозможно говорить, о том следует молчать». Если мысль выражена неясно, нечётко, если она прячется за клише, то дело в непродуманности. Таким языком — на это Сергей Викторович обращал особое внимание — нельзя высказать новаторские идеи. Клише вызывали у него раздражение, он тотчас замечал их и вымарывал с соответствующей пометкой. В то же время считал, что в исследовании штампов, содержащихся в изучаемых источниках, заложен серьёзный потенциал. Умение распознавать их и чувствовать текст во взаимосвязи со временем и культурой, породившими его, оказалось полезно его ученикам не только в научной работе.

Текст мог и даже должен был быть написан живо, интересно, но без посторонних, ненужных для решения исследовательского вопроса сюжетов и деталей — пусть даже самых любопытных. Такие фрагменты Яров решительно вычёркивал. Он также не мог пройти мимо стилистических неточностей, даже очень тонких и, возможно, спорных. Это хорошо видно из его пометок на полях текстов учеников. К примеру, рядом с фразой «способствовали расцвету экскурсионного дела» — приписка: «расцвета дела не бывает». Отчасти поэтому он не признавал черновики, не читал их, считая, что лучше работать с маленьким кусочком

текста, но написанным набело, когда мысль уже отточена и не требует устных пояснений. Также он не любил и не допускал пустых «слов ради слов». Это видно по пометам, сделанным им на полях собственных книг для переизданий.

Каждую ученическую работу Сергей Викторович пропускал через себя. В результате тексты обрастали ассоциативными связями с сюжетами из научной и художественной литературы, которую он так хорошо знал. Замечания иногда превращались в эссе на заданную тему. Так, на полях черного варианта одной диссертации он написал: «Надо переосмыслить мнения и действия экскурсоводов, но показать их зависимость от социального и политического контекста (это есть, но мало). Не стесняйтесь идти дальше, встречая говорливых, или идеалистов, или исповедь горячего сердца — где-то поиронизируйте, где-то метко подчеркнёте связь многословности с эмоциональностью — всем не надо давать оценки, но часть их быть всё же должна. Толстой в шутку говорил о Короленко: “Такой правильный, что надо хотя бы жене изменить”. И эта шутка здесь уместна, а то эта правильность окаменит текст, сделает его тяжёлым. Розанов писал о Гершензоне — всё хорошо, книга продумана и прекрасно выстроена, великолепный язык, ни к чему не придаться, — а потом горестно: иди, Скабичевский (народнический критик), спасай Русь».

Многие из тех, кто общался с Яровым, отмечают, что его влияние распространялось не только, а иногда даже не столько на обучение исследовательскому письму. Так, будучи страстным книголюбом, он стремился поделиться своей любовью к книгам¹. Очень часто и очень много рассказывал о том, какое издание ему удалось приобрести, что советует читать, а что нет. Списки книг, которые, по его мнению, обязательно должны иметь молодые учёные, он порой надиктовывал, те или иные труды даже дарил. Среди них всегда были работы, напрямую не связанные с темой исследования ученика, однако необходимые для расширения кругозора: классические исторические, философские, литературоведческие, искусствоведческие труды, дневники, мемуары, переписка.

Списки «обязательного чтения» Ярова также содержали книги, которые развивают вкус, прямо или косвенно учат писать. Так, нескольким поколениям учеников помогали работать книги Н. Галь «Слово живое и мёртвое» и Л.К. Чуковской «В лаборатории редактора». Научиться писать, по мнению учёного, можно было читая тексты, блестящие по стилю и языку. Особое место в его личном литературном пантеоне занимали произведения А.М. Эфроса — художественного критика 1920–1930-х гг. Сергей Викторович и сам учился у него мастерству слова, и советовал его работы своим подопечным. Одним из эталонов ёмкого, образного научного текста он называл статью Эфроса «Теодор Жерико. Натурщик» и даже цитировал строчки из неё. Цитировал он порой и произведения Шекспира в разных переводах, Гёте. Сергей Викторович хорошо знал и понимал традицию русской печатной культуры первой четверти XX в., вобрал в себя её духовное наследие, часто к нему обращался и по возможности приобщал своих учеников.

Некоторые книги Сергей Викторович советовал именно покупать, а не брать в библиотеках. Дело в том, что у него была оригинальная манера чтения. Он не всегда читал от первых строк до последних: любил изучать текст кусочками, главами, откладывая на время, а затем возвращаясь. Так он предлагал поступать и своим подопечным. Это означало, что некоторые книги должны быть в личной

¹ Свою библиотеку (около 5 тыс. книг) С.В. Яров собирал на протяжении всей жизни. Она каким-то образом умещалась в его небольшой комнате в коммунальной квартире. Перед кончиной он завещал её Европейскому университету в Санкт-Петербурге.

библиотеке, чтобы в любой момент обратиться к ним, прочитать десяток страниц и подумать, чем это может помочь в собственной работе.

Невероятная эрудиция Сергея Викторовича не раз помогала увидеть множество контекстов своего исследования, разглядеть за сухими формулировками документов живых людей с их переживаниями и слабостями. Он призывал не просто изучать формальное содержание источников, но и пытаться понять, что может быть скрыто за ним. Именно его удивительная начитанность подчас вызвала неожиданные ассоциации, которые помогали взглянуть на исследовательский вопрос под новым, свежим углом. Ему всегда было интересно воссоздать общее настроение времени и, возможно, поэтому он так хорошо знал не только политическую историю, но и историю искусства, моды, кинематографа, подробности быта. Он много думал над проблемами, поставленными в исследованиях учеников, обязательно находил, за что можно похвалить автора. Но и критиковал, причём, если разговор шёл тет-а-тет — а поэтому об этом мало кто знает, — пощады не знал. Тексты пестрят не только правками, но и жёсткими замечаниями: «Справка», «Когда же эти справки закончатся», «Что это?» и проч. Однако если подопечный был способен переубедить его, доказать, что предложенный подход лучше, свежее, то Сергей Викторович с готовностью брался развивать уже новую мысль. Исследовательскую смелость в поиске подхода к теме, в постановке проблемы, в мыслях и идеях он особенно ценил. По его мнению, такая смелость не менее важна, чем собственно работа с материалом.

Удивительно, как требовательность Ярова-педагога сочеталась с безграничной человеческой добротой и верой в своих подопечных. Мотивировали продолжать работу его доброжелательность, расположенность к окружающим, искренняя заинтересованность. Не удаётся вспомнить проекта или задумки, которых он не поддержал бы — и в данном случае поддержка не подразумевает отсутствие критики. Его научное руководство давало ощущение абсолютной веры в себя, которая ободряла двигаться вперед. Коллеги и ученики вспоминают, что на исследовательских семинарах в Европейском университете или на обсуждениях в Санкт-Петербургском институте истории РАН (СПБИИ РАН) именно Яров защищал того или иного слушателя, подчёркивал сильные стороны даже не слишком удачного текста, просил дать ещё один шанс.

Всем своим поведением Сергей Викторович учил хорошему отношению к людям, терпимости к их слабостям и недостаткам. Он, и в этом нас поддержит большинство учеников и коллег, никогда не отзывался ни о ком плохо. В крайнем случае просто тактично уходил от темы, но чаще говорил что-то вроде: «Да, за ним, наверное, водится такой недостаток». И тут же искал этому недостатку оправдания, а затем перечислял десяток его достоинств. Вообще, его очень интересовали люди, их психология. Он любил наблюдать, слушать, отмечать особенности в каждом. Самым большим страхом для него было обидеть другого, и эта невероятная по нынешним временам деликатность проявлялась в текстах. Даже в малосимпатичных героях своих исследований он всё же старался найти нечто, оправдывающее их поступки.

Интерес к людям — основная движущая сила его научных работ, их главный метод. Сергей Викторович всегда пытался прочувствовать время и людей в нём, вскрыть мотивацию поступков, понять, что стояло за теми или иными словами. Особенно его привлекало то, что происходило внутри у человека «на переломе» — отсюда интерес к истории повседневности в условиях становления большевистской идеологии и жизни в условиях блокады. Он делал выводы на основе

не только фактов, но и своих размышлений, чувств, переживаний. Основной стержень его работ — саморефлексия. Он любил цитировать друга, также, к сожалению, покойного ныне историка О.Н. Кена, который говорил, что Сергей Викторович — «злостный интуитивист». Свой интерес к людям он пытался при-вить подопечным.

Как преподаватель университетских курсов С.В. Яров запомнился мягким, доброжелательным и очень заинтересованным педагогом. Большинство его курсов в Европейском университете и Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (РГПУ) так или иначе были связаны с источниковедением. Занятия чаще имели форму семинара, где Сергей Викторович старался научить своему способу чтения источников. Не всегда студенты легко воспринимали его подход, особенно когда это касалось блокадной темы. Героический дискурс воспоминаний о блокаде нередко становился препятствием в восприятии его лекций. Попытка анализировать повседневную, порой неприглядную сторону жизни тех лет казалась попыткой очернить. Однако подробности выживания ленинградцев, как становилось понятно потом, говорят о величии их подвига больше, чем общие слова о героизме: «Можно говорить: “Да, были определённые условия, были определённые трудности”, но здесь были не трудности, были муки, и, несмотря на эти муки, люди продолжали оставаться людьми»².

Участие в жизни своих подопечных Сергей Викторович принимал самое живое. У него не было семьи и ученики отчасти заменяли её. В бытовом плане совершенно не приспособленный к жизни, он был абсолютно открыт для них, жил их интересами. «Такое впечатление, — пишут его аспиранты, — что он помогал всем, кому нужна была помощь. Как только слышал, что кто-то в чём-то нуждается, тут же набирал номер своих коллег, друзей, учеников и пытался решить проблему»³. Мы знали, что ему всегда можно позвонить, для решения срочных вопросов случалось делать это и в два, и в три часа после полуночи, подолгу обсуждая план работы или часть текста. Он не разделял работу и досуг, подчас выбирая для встреч не только аудитории Европейского университета, РГПУ или отдел современной истории России СПбИИ РАН, но самые неожиданные места — например, городские кафе или берег Финского залива в районе Сестрорецка, Курорта, Дюн или Солнечного, где он проводил почти всё лето. Эти встречи с прогулками вдоль моря и обсуждением текстов походили на беседы греческих мыслителей со своими учениками (Сергей Викторович, конечно, посмеялся бы над такой аналогией).

В сентябре 2015 г. С.В. Яров ушёл из жизни. Ему было всего 56 лет. А летом 2017 г. в авторитетном британском издательстве «Polity Press» вышел первый перевод его монографии «Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941—1942 гг.» («Leningrad 1941—42: Morality in a City under Siege»). Сергей Викторович очень ждал этой публикации, с азартом обсуждая детали перевода с коллегами и учениками, но заканчивать работу, увы, пришлось без него. Тем ценнее, что книга всё же опубликована и доступна теперь не только русскоязычному читателю.

² Стенограмма публичной лекции С.В. Ярова «Повседневная жизнь блокадного Ленинграда» (URL: http://polit.ru/article/2015/09/19/yarov_lecture/).

³ Памяти С.В. Ярова // Клио. 2015. № 9(105). С. 224.